

Среди современных антропологов бытует мнение, что социальные связи устанавливались с возникновением регулярного обмена, первым объектом которого стали женщины [29, с. 96]. Исходя же из вышеизложенных соображений, можно полагать, что социальные связи накладывались на уже имевшиеся стереотипы поведения, среди которых и были патриархальные инстинкты, основанные на роли самцов у высокоорганизованных млекопитающих¹⁴.

Представляется, однако, что обмен начинался не с этого и имел, надо думать, биологическую, физиологическую причину. Прямохождение, выделившее *Homo erectus* из других приматов усложнило процесс производства потомства: через сужившиеся тазовые кости мог пройти лишь неполностью сформировавшийся младенец, что породило необходимость его длительного выхаживания и зависимость самки от партнера. Так начали устанавливаться более прочные, чем у животных, семейные связи. Они и потребовали социализации, т.е. формирования отношений, основанных не на инстинктах, а на необходимости взаимопомощи, поддержки и *того самого обмена продуктами*. Таким образом, “очеловечивание” началось с создания относительно прочных брачных пар – прообраза семей. В них и стали аккумулироваться необходимые им продукты, что положило начало формированию представлений о собственности внутри рода. Обмен же женщинами – следующий этап социальных процессов, возникавший уже после формирования брачных пар, очевидно, по причине необходимости продолжения рода при возникновении половозрастного деления и межродовых контактов. Впрочем, это особая тема. В нашем же случае важно констатировать этап возникновения обмена, сопровождавший и формированием представлений об индивидуальной собственности, которая в итоге стала аккумулироваться выделявшимися лидерами не только для престижного обмена, но и для закрепления достигнутого статуса за своими наследниками – детьми и их матерями, что и породило зарождение института частной собственности¹⁵.

Саутхолл, вслед за М. Годелье, считает, что в первобытных обществах господство и эксплуатация возникали постепенно и воспринимались как обмен за услуги лидеров, в том числе и за гарантию безопасности, и за защиту от сил высшего порядка. Последнее вело к сакрализации роли старейшин, в подчинении которым люди не видели угнетения [27, с. 130-131]. Здесь можно добавить, что такое изначальное подчинение воспринималось как естественное, ибо иных форм существования тогда не было, поэтому и не могло рассматриваться как неравенство в нашем понимании. Следовательно к данному явлению лучше применить термин *субординация*.

Таким образом, социальное неравенство не являлось продуктом человеческого развития, и уж тем более не было следствием возникновения неравенства

¹⁴ В литературе встречается мнение о *придуманности* распространенных представлений о существовании особого исторического периода – *матриархата* – времени господства женщин. Вероятно, материнский род был таковым лишь по отсчету родства и по статусу прародительницы. Во главе же коллективов все равно были мужчины...

¹⁵ Иными словами, не собственность породила семью (как утверждали Л. Морган и Ф. Энгельс), а семья привела к собственности [30]. Это доказывает и появление полигамии среди наиболее знатных и, следовательно, обеспеченных мужчин, что произошло при переходе к оседлости. Но многоженство не распространилось, так как при создании ранних государств кланы, основанные на полигамии, препятствовали самой идее государственности, то есть объединению вокруг одного правящего рода не на родственных, а на служебных обязанностях.

имущественного, а предшествовало ему, причем изначально в человеческой истории¹⁶. Поскольку *такое* социальное неравенство осознавалось как естественное и поначалу, очевидно, не сопровождалось имущественным расслоением, последнее, когда оно появилось, стало восприниматься как нарушение привычных, традиционных норм и обычаев. Судя по многочисленным историческим и этнографическим сведениям, первоначально вожди если и концентрировали какое-то богатство, то должны были определенным способом его раздавать остальным членам возглавляемого ими коллектива в виде религиозного ритуала, пира, взносов, раздач¹⁷ и т.п. Как заметил А.И. Першиц, “внутриобщинной эксплуатации непосредственно предшествовал порядок, названный К. Поланьи редистрибуцией и состоявший в передаче части произведенного общинниками избыточного продукта в распоряжение вождей на различные общественные нужды, в том числе на содержание самих этих вождей. С усилением роли последних расширялись возможности как для злоупотребления общинными фондами, так и для постепенного увеличения доли вождей, все более превышавшей их непосредственные потребности. Одновременно зарождались и развивались права вождей на общинные земли и их власть над общинниками” [31, с. 26; 32, р. 9, 13, 153; 33, с. 15]. Соглашаясь с таким порядком, “простые люди” постепенно и сами привыкали к подчинению, т.е. создавали соответствующую традицию, и формировали у своих лидеров представление об их избранности, о праве на особые функции и место в обществе.

В итоге *естественное* социальное неравенство постепенно, с ростом опыта и организованности лидеров и их окружения, особенно в условиях столкновений с соседями, перерастало в имущественное. Причем именно те общества, в которых это происходило раньше, стали развиваться в ранние государства и даже империи. Иные, с патриархальным имущественным равенством, при котором накопленное через действовавших по обычаям вождей распределялось на всех, отеснялись на обочину истории. Происходил, так сказать, естественный эволюционный отбор, не прекратившийся и теперь¹⁸.

Собственность, переходя по наследству, стала концентрироваться в семьях лидеров. Так социальное неравенство стало дополняться имущественным. Формируется потомственная знать, отделявшаяся от рядового населения по мере усложнения условий жизни, что стало характерно при переходе к оседлости, особенно с началом освоения премудростей металлургии. Именно тогда, в наиболее благоприятных географических условиях, при концентрации соответствующих ресурсов в долинах Нила и в Месопотамии начинается переход к более сложной организации, не кланово-семейной, а к вождеству, затем и к государству. Владение и властью, и собственностью формирует сакральный образ вождя, что еще в большей степени возвышает и его самого, и его клан. Сакральность, в свою очередь, закрепляет и права на собственность, освящая ее. Имея в

¹⁶ Следовательно, левые идеи о первобытном равенстве, которое надо вернуть и восстановить изначально справедливость, основаны на ложной посылке и потому утопичны.

¹⁷ Как в Древней Греции (литургии) и Риме (муниципальные обязанности), что, кстати, позволяет некоторым исследователям не считать их на ранних стадиях подлинными государствами.

¹⁸ Если провалы попыток разных *коммунаров* в истории (те же табориты, анабаптисты, исмаилиты и др.) еще можно объяснить объединением против них богатых и власть имущих, то каковы “достижения” современных распределительных экономик типа Северной Кореи, Кубы, да и СССР? Вспомним, как богатели выросшие в средневековой Европе на идеях равенства францисканцы и тамплиеры и, в конце концов, все христианские церкви, а в странах советской системы – *номенклатура* [34].

виду восточные традиции, Л.С. Васильев подчеркивает подчиненность собственности правам власти [29, с. 98-101]. То есть на Востоке сакральной становится не собственность вообще, а только принадлежавшая правителям, которые, тем самым, становятся собственниками всего, чем управляют, в том числе и возникшими государствами.

Итак, изначальное, естественное социальное неравенство на определенном этапе перерастало в имущественное, что непосредственно было связано с генезисом государственности. Развитие института редистрибуции, закрепление за выделенными “лучшими людьми” (знатью) и власти, и права распоряжаться общей собственностью постепенно привели к накоплению у знати ресурсов для принуждения. Его можно было осуществлять как косвенно – через возможность оказания дополнительной помощи нуждающимся общинникам, так и напрямую – с помощью формировавшегося вокруг правителей окружения – дружинников¹⁹. Последние, кстати, возникали не только из-за военных столкновений и грабежей чужаков, но и благодаря все тому же перераспределению части общего продукта. Так появился один из существенных элементов государственности – управление населением за его счет, но в интересах правящей верхушки, т.е. угнетения. Ведь слаб человек. Знатный, имея власть, даже при личной порядочности и нестяжательстве (таким людям порой достаточно самой возможности управлять) окружен и родственниками, и помощниками (теми же дружинниками), интересы которых тоже надо учитывать. Аппетит же приходит, как известно, во время еды. К тому же, и это принципиально важно, за счет накопления собственности властные кланы становятся наследственными. Сначала, как отмечалось, это происходило естественным путем: рядовое население добровольно отдавалось под начало лучших и даже соглашалось на то, чтобы звания вождей передавались их детям, как лучше подготовленным²⁰. Но ведь дети вождей не обязательно наследовали их положительные качества, а значит, могли и не иметь соответствующего авторитета. А привычки распоряжаться общим продуктом уже стали традицией, т.е. нормой. И незаметно добровольное подчинение превратилось в угнетение. Так “простые люди непременно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности, ни выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть” [27, с. 231]. Власть сублимировалась в собственность.

Вообще, “власть существует как отношение между людьми: теми, кто доминирует, и теми, кто позволяет над собой доминировать” [35, с. 317]. Отсюда вполне логична и такая точка зрения, навеянная современной постсоветской действительностью: “Власть родилась от вымогателя, ныне называемого красивым словом рекетир... Со временем власть стала самостоятельной и необходимой общественной функцией, а с появлением государств обрела сакральность. Народ уже не тяготился властью, то есть рекетиром, а уповал на нее. Власть стала необходимостью” [36]²¹.

При формировании собственности происходило и обособление, и укрепление власти как основы будущего государственного устройства. Процесс этот начался с возникновением оседлого земледельческого населения в неолите, но растянулся вследствие крайне медленного хозяйственного прогресса на несколько тысячелетий – до развитого бронзового века на Ближнем и Среднем Востоке

¹⁹ Вспомним Тацита: “никому не зазорно состоять их [вождей] дружинниками” [33].

²⁰ “Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя” [33].

²¹ Турецкая поговорка: “Власть – это кормушка, и тот, кто от нее не кормится, – свинья”.

(конец III – II тыс. до н.э.), до начала и даже середины железного века в Средиземноморье, на Дальнем Востоке и в варварской Европе (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пиотровекий, М.** Интервью / М. Пиотровский // Новое время. – 2005. – № 1–2.
2. **Классен, Х.Дж.М.** Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 71–84.
3. **Коротаев, А.В.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) / А.В. Коротаев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 265–291.
4. **Карнейро, Л.** Теория происхождения государства / Л. Карнейро // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 55–70.
5. **Влит, ван дер Э.Ч.Л.** Полис: проблема государственности / Э.Ч.Л. ван дер Влит // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 387–412.
6. **Коротаев, А.В.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 24–83.
7. **Захаров, А.О.** Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) / А.О. Захаров // Восток. – 2005. – № 6. – С. 5–21.
8. **Якобсон, В.А.** Государство как социальная организация (теоретические проблемы) / В.А. Якобсон // Восток (Oriens). – 1997. – № 1.
9. **Гринин, Л.Е.** Государство и исторический процесс / Л.Е. Гринин. – М., 2007. – Т. 1.
10. **Бондаренко, Д.М.** Альтернативы социальной эволюции / Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 15–36.
11. **Коротаев, А.В.** Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. – М., 2003. – С. 5–10.
12. **Миницкий, Н.И.** Методы построения научного и образовательного исторического знания : автореф. дисс. ... доктора исторических наук. – М., 2007.
13. **Гринин, Л.Е.** Раннее государство и его аналоги / Л.Е. Гринин // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006а. – С. 85–163.
14. **Гринин, Л.Е.** От раннего к развитому государству / Л.Е. Гринин // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 523–556.
15. **Wittfogel, K.A.** Oriental Despotism / K.A. Wittfogel. Yale university Press. – Massachusetts, 1957.
16. **Карнейро, Л.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства / Л. Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84–95.
17. **Куббель, Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Крадин. – М., 1988.
18. **Думанов, Х.М.** Правовое сознание. К уточнению понятия “обычное право” / Х.М. Думанов, Я.С. Смирнова // Восток. – 2000. – № 1. – С. 32–39.
19. Духовная культура Китая: энциклопедия. – М., 2006. – Т. 1 : Философия.
20. **Кульпин, Э.С.** Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке / Э.С. Кульпин // Серия “Социоестественная история”. – Вып. XII. – М., 1999.
21. **Гринин, Л.Е.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации / Л.Е. Гринин // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 5–29.
22. **Крадин, Н.Н.** Политическая антропология [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/187525/read>. – Дата доступа : 9.01.2012.
23. **Холл, Т.Д.** Монголы в мир-системной истории / Т.Д. Холл // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 442–467.
24. **Риер, Я.Г.** Сельское общество Могилевского Поднепровья X – XIII вв. по археологическим данным / Я.Г. Риер. – Могилев, 2010.
25. **Лузанов, В.В.** Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII – начало XII в.) : дисс. ... доктора ист. наук. – Ижевск, 2009. – <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-drevnerusskoi-gosudarstvennosti-sotsialno-politicheskie-i-etnokulturnye-transfor>

26. **Шинаков, Е.А.** Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е.А. Шинаков. – М., 2009.
27. **Саутхолл, Э.** О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 130–136.
28. **Классен, Х.Дж.М.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Дж.М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 6–23.
29. **Васильев, Л.С.** Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) / Л.С. Васильев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 96–114.
30. **Херлихи, Д.** Биология и история: к постановке проблемы / Д. Херлихи // Цивилизация. – М., 1993. – Вып. 2.
31. **Першиц, А.И.** У истоков эксплуатации / А.И. Першиц // Восток. – 2005. – № 1. – С. 25–29.
32. Primitive, Archaic, and Modern Economics // Essays of K. Polanyi. – New York. 1968.
33. **Тацит, Корнелий.** Сочинения в двух томах / Корнелий Тацит. – Т. 1 : Анналы. Малые произведения. – Л., 1969.
34. **Восленский, М.** Номенклатура / М. Восленский. – М., 2005.
35. **Бойцов, М.А.** Архиепископ Трирский объезжает свои владения / М.А. Бойцов // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М., 2004. – С. 317–359.
36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echo.msk.ru/blog/spb_msk/885409-echo/. – Дата доступа : 5.05.2012.
37. **Дэвис, Н.** История Европы / Н. Дэвис. – М., 2006.

Поступила в редакцию 12.02.2013 г.